

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Одна странная ночь

В общем, начиналось все обычно. Утром нас всех собрал директор и вежливо объяснил, что каждый может считать себя свободным, либо уйти в бессрочный отпуск без содержания. Я выбрала второе.

Жрать что-то было надо, поэтому, пораскинув мозгами, я пошла перекантоваться в таксомотор. Работенка не пыльная, 50% от заказа — мои. На переднем сидении незатейливо маячит монтировка, в бардачке — травмат. Жить можно, короче.

По двенадцать часов за рулем. Спина отваливается, щиколотку сводит назойливая судорога. Нормально, в общем.

Он попался мне к концу смены. Тогда, когда я была раздражена до предела и ненавидела весь мир. За день я успела выслушать о болезнях любимых тетушек, узнать, какие котировки на нефтяной бирже, и согласиться, что Сталин — палач.

В мой несерьезный универсальчик с трудом втолкнулось крупное тело и уставилось унылым взглядом в окно.

— Куда едем? — спросила я его по привычке.

Администратор адрес, конечно, назвала, но вдруг клиент передумал.

Клиент глубоко вздохнул и вдруг проговорил:

— Ши вокс ин бьюти, лайк зе найт

Оф слодлес климс энд стари скайс

Энд ал зэтс бэст оф дарк энд брайт

Мит ин хё аспект энд хёр айс...

В машине у меня народ бывает разный, но такое чудо я увидела впервые. Повернула голову, открыла рот и на всякий случай приготовилась обматерить. Я, вообще, бабенка несдержанная, а в ярости так и вовсе малоуправляемая. Учитывая мои 179 см. роста чистейшего добра и человеколюбия... Обычно редко кому хочется переспрашивать, что я имела в виду.

Но этот странный тип уставился на меня лучистыми глазами и продолжал назло. Вот просто назло, не иначе.

— Ван шэйд зэ мо, ванн рэй зэ лес,

Хэд хаф импайрд зэ нэймлис грэсс.

вич вэйвс ин эври рэйвен трейс...

— Едем куда? — умудрилась выдать я.

Он опять вздохнул. Горько-горько. Передернул плечами, поднял воротник куртки и стал похож на огромного нахохлившегося петуха.

— На**** улицу. Дом 45. Последний подъезд.

Клиент всегда прав. Я выдавила газ и дернула по темнеющим улицам. По-моему, он уснул, а я все время поглядывала на него в зеркало заднего вида. Не могла никак рассмотреть его в темноте салона.

— Приехали.

Машина тормознулась у подъезда, пассажир неловко клюнул носом мне в затылок. Обдал горячим дыханием, пробормотал «Спасибо» и протянул две сотенные бумажки.

Пакет. Он сел ко мне в машину с черным пластиковым пакетом, который так не подходил к

его фигуре. И сейчас он прижимал этот пакет к себе с таким старанием, как будто там была запрятана вся мирская мудрость.

Открыл дверцу машины, попытался вылезти, задел за все подряд, и...

— Черт возьми, — услышала я шепот, — яйца...

Честно сказать, я подумала, что он прищемил. Ну, это самое. Представила, как ему больно, дернула рычаг регулировки сидения и попыталась освободить плененное мужское естество.

— Mamochka menya ubyet, — продолжал странный пассажир.

«Причем здесь мамочка?», — подумала я.

Но вслух произнесла:

— Ну, не переживайте вы так. Бывало и больше попадало. Вот мне муж рассказывал...

Только я хотела запулить ему офицерскую байку от моего покойного супруга чисто в целях поддержки, как клиент взорвался:

— Да причем здесь ваш муж?! Меня мама убьет, если я не принесу ей яйца. А где я их сейчас куплю?

В мою затуманенную двенадцатичасовой сменой голову закралось понимание. Он раздавил яйца. Не свои, конечно же, а куриные. Я начала хихикать. Потом смеяться. Потом откровенно ржать.

А он, наконец-то, вылез, и сейчас стоял прямо у моей дверцы, метая молнии из глаз, не хуже Зевса.

— Не вижу ничего смешного, — процедил мой ночной пассажир. — У меня мама болеет.

Вот тут-то я его и рассмотрела во всей красе. Не сказать, что красавец, но... Стать, форма. И ярость придавала ему совершенно неземное очарование. Правда, его мамочка в этом контексте была совершенно лишней.

— Простите меня, — сказала я, отсмеявшись, — давайте я совершенно безвозмездно отвезу вас в супермаркет. И вы купите там свежие яйца.

Он согласился. Не сказать, что с радостью, но сел обратно в машину и молчал всю дорогу, словно ангел совести.

В супермаркет я пошла вместе с ним. Пока он лавировал между рядов, выбирая яйца, я рассматривала открывшийся мне вид. Задница у него было что надо! Он приценивался, чуть ли не принюхивался и проверял каждое яйцо на срок годности. За это время я успела набить свою тележку всякой всячиной: от пива до прокладок.

Наконец, мы оказались возле кассы, и тогда я решила сделать первый шаг.

— Я заплачу, — сказала ему, когда он уже был готов достать бумажник. — В конце концов ведь это в моей машине вы разбили передачку для больной мамочки.

Он снова подарил мне свой лучистый взгляд и неожиданно улыбнулся.

— Товар пробивать будете? — услышала я недовольный голос кассира.

Бросила на прилавок тысячную купюру, сгребла сдачу, не глядя, и мы выкатились из магазина.

Мне почему-то не хотелось с ним расставаться. Не знаю, почему. Я чувствовала, что он не дорассказал мне ту занимательную историю на тарабарском языке. Там точно должно было быть продолжение, и я хотела его услышать.

Но пассажир молчал. Поднял воротник куртки и опять уставился немигающим взглядом на дорогу.

— Осторожней с яйцами, — посоветовала я ему у подъезда.

Он обернулся, аккуратно поставил пакет на землю и помахал мне рукой. Достал ключ из кармана, приложил к замку домофона и тут я выкрикнула:

— Стойте...

Увидела, как вздрогнули плечи, и начала говорить. Быстро-быстро, пока он не очухался:

— Давайте выпьем кофе. Здесь, за углом. Я угощаю, у меня была хорошая смена. Это же никого ни к чему не обязывает. Просто попьем кофе, и вы дочитаете мне стихи.

— Это Байрон, — обернулся ко мне мужчина. — Вам понравилось?

— Да, очень.

— Тогда подождите меня полчаса, я только накормлю мамочку, и вернусь.

Он вернулся. Мы пили кофе, он дочитал мне Байрона. Его звали Кирилл.

— Поедем ко мне, — я положила ладонь ему на руку.

Он вздрогнул, убрал пальцы из-под моей ладони и вдруг засмутился.

— Мама будет волноваться.

Мне стало смешно. Ему тридцать пять лет, а он боится, что мама будет волноваться.

Я опять начала хихикать. Потом смеяться. А потом он вздернул подбородок и почти выкрикнул:

— А поехали...

Это была странная ночь. Он был нежен и ласков. Он был напорист и умел, но... Я чувствовала себя его мамочкой. И только к утру он начал говорить.

К этому времени я открыла шампанское. Оказывается, он почти не пил, потому что мама не выносит запах спиртного. И не курил тоже, а я дымлю, как паровоз. Мы выпили шампанское, закурили всю комнату и плавающим пьяном тумане я услышала его голос.

— Я не помню отца. Совсем не помню. Меня воспитывала мама. Сколько помню, всегда были только я и она. Больше никого. Она говорила, что я урод, весь в отца. Она говорила, что я дебил. Она говорила, что никому и никогда я не буду нужен, кроме нее.

— Скажи, — он хватает меня за плечи, — я, правда, урод?

В свете полной Луны я рассматриваю его внимательно. Провожу подушечками пальцев по лицу. Крупные черты, мясистый нос, полные губы. Светло-русые волосы и ярко-зеленые глаза.

— Ну, что ты, — успокоила я его, — ты красавчик.

Железная хватка пальцев расслабилась, Кирилл выдохнул и продолжил.

Мать пришла к нему в спальню в день его шестнадцатилетия. Пришла и осталась на почти двадцать лет. Она превратила его в своего лакея. Год назад ее хватил инсульт.

Не знаю, чем я заслужила такое откровение Кирилла. Видимо, он слишком долго был без женщины.

Я навещала ее пару раз. Однажды, пока Кирилл ходил в магазин, я склонилась над ее кроватью и прошептала:

— Не будь ты старой лежачей рухлядью, я бы убила тебя. За все, что ты с ним сотворила.

Клянусь, она меня услышала. В мутных зрачках заплескалась сталь, она даже попыталась поднять руку на меня.

Нет, я не милосердна. Мне еще вытаскивать этого тридцатипятилетнего мальчика из трясины долго, но я вытащу.